

Их отвезли на маленький остров посреди озера во владениях сардара. Небольшой уютный 2-этажный дом ожидал их. Просторный зал с колоннами на 1-м этаже, галерея и комнаты на 2-м, бассейн во дворе, беседка в саду — созданное для любви местечко — подумала рани. У низкого столика с едой и напитками на кушетке лежал крепкий мужчина с закрытым тканью лицом. — Мой знакомый, — не представил его визирь, — у него рана на лице. Они прилегли на низких широких ложах, пригубили вина. Непредупрежденная Джия немного волновалась по поводу незнакомца, чьи глаза её внимательно изучали и даже казались откуда-то знакомыми. Но посчитала его нужным визирю гостем, который вскоре оставит их. Гость помалкивал, слушал сардара и немногословную рани. Визирь угощал её каким-то новым экзотическим блюдом, немного попробовал сам, но настойчиво накормил девушку из своих рук. Было вкусно; вскоре она почувствовала внутреннее тепло, оживленность и раскованность. Голова затуманилась, кровь прилила к промежности, девушка повеселела и стала беспокойной. Не находя себе места от неведомых желаний, она встала. — Потанцуй нам! Она закружилась в странном танце, её бросило в жар. — Разденься, здесь жарко, смотри на меня! — он уже был полураздет, и совершенно естественно она сняла одежды. — Танцуй ещё! Она взмахивала руками, вращала бедрами, трясла грудью, исполняя танец живота. Любовник хлопал ей, незнакомец пропал из её поля зрения. — Коснись себя, потрогай там! — призывал его требовательный, то далекий, то близкий голос, и Джия непосредственно гладила и пощипывала свои груди, ноющее влагалище. Она села по-турецки, желания становились все определеннее, мышцы — вялыми, зуд внизу — все нестерпимее. Она так хотела, чтоб её освободили от сковывающего все тело тяжелого напряжения, она знала как, но последние проблески сознания мешали ей переступить эту грань и предложить себя. Джия гладила пульсирующую щель между ног, но избавление не приходило. — Скажи, чего ты хочешь? — она едва узнала знакомый голос и посмотрела в его сторону. Обнаженный любовник был сейчас единственным необходимым ей средством желанного избавления от мук; другой, без лица, переместился куда-то далеко, к выходу. — Я хочу... чтоб ты взял меня... сейчас же... — почти плакала истомленная девушка, не понимая, почему мужчина так жестоко пытается её. Визирь с довольной улыбкой протянул руки, и она поползла к нему.

Произошедшее далее Джия не очень хорошо помнила, хотя некоторые эпизоды отчетливо сохранились в сознании, а некоторые воспоминания приходили к ней через сны на протяжении следующих месяцев. В них она, разрываемая на части неудержимой похотью, с готовностью исполняла самые непристойные желания любовника на глазах единственного зрителя, которого она то узнавала во сне, то нет. Ей не хватало многочисленных темпераментных совокуплений, и она просила удовлетворить её ещё и ещё. Она помнила боль, которую она принимала с терпеливой радостью, только чтоб утолить страсть, сжигающую её изнутри.

Долгожданное расслабление наступило спустя несколько часов, рани проснулась, придавленная тяжелым телом любовника. Она вскользя из постели, накинула легкие одежды и прошлась по особняку. Вышла в сад и увидела вдали у шатра мужчину, смутно знакомого фигурой, несшего туда срезанные с клумб цветы. Она направилась к нему, но тот, увидев приближающуюся девушку в развевающихся одеждах, оставил у порога охапку роз и

быстро удалился. Джия проследила взглядом за ним: он подошел к небольшому причалу, сел в ожидавшую его лодку и подал знак гребцам. Рядом качалась другая большая лодка визиря, ожидавшая их. Голова слегка кружилась, все тело ломило, она не чувствовала себя отдохнувшей. Она кое-что помнила о вчерашней ночи, но как ни странно, не ощущала ни горя, ни угрызений совести. Произошедшее вчера ничего не добавляло к её привычной несвободной жизни, она устала быть несчастной и ненавидеть. Лучше принять и забыть. Вернувшаяся девушка покорно позволила проснувшемуся мужчине любить себя.

Визирь уехал в столицу, девушка ненадолго осталась у гостеприимных знакомых. Вернувшись во дворец к мужу, Джия окунулась в заботы о дочери. Ничто не изменилось в её жизни: она по-прежнему делила ложе с 2 мужчинами. Иногда её посещали оба в одну ночь, и ни один из них не любил её. Хотя одна новость удивила рани: визирь представил ей своего сына от первой жены — того самого офицера, несшего её на руках после неудачного самоубийства и напороочившего ей позднее большое счастье. Тот самый вельможа по особым поручениям, осуществляющий связь раджи и визиря во время её беременности. Самым незаметным образом уже 2 года он присутствует в её жизни, начиная с той памятной оргии в охотничьем домике, и оказывается сыном её мучителя. Она живо расспрашивала сардара о неизвестном сыне, тот неохотно рассказал: это его старший сын от давно умершей жены. Джия сравнила мужчин: они едва похожи, разве что оба властны, внушают окружающим уважение и трепет, а визирь ещё и страх. И вот теперь Эхсан — начальник дворцовой гвардии. Все годы он служил в боевых войсках, отказавшись от протекции отца, был замечен прежним махараджей и приставлен телохранителем к принцу, с которым дружен. Вот теперь — такой высокий пост, раджа доверяет ему. Визирь подчеркнул, что сын не похож на него и мало интересуется женщинами.

Постепенно Джия познакомилась с молодым человеком, да, он нисколько не походил на отца, разве что стремительно набирал авторитет во дворце, будучи другом правителя. К рани Эхсан относился с подчеркнутым уважением и, как показалось ей, с сочувствием. Играя же на прогулках с 1, 5-годовалой принцессой, юноша заслужил симпатию Джии и любовь малышки. Визирь почти не занимался дочерью, она была лишь досадным довеском к вожделенной женщине. Раджа так же не жаждал общения с дочкой, он был поглощен своими заботами, где для жены с ребенком почти не оставалось места. По сложившейся традиции он пару раз в неделю посещал ночами жену, но зачатия не наступало; Джию это устраивало. Взаимная растущая симпатия с новым начальником дворцовой гвардии доставляла рани приятные моменты. Они много говорили на прогулках, он сопровождал её в поездках по городу и окрестностям, играл с малышкой, обожавшей его. Их мысли во многом совпадали. Джии до смерти хотелось расспросить о его пристрастиях, памятуя о той давней оргии, но она боялась разрушить хрупкое доверие, впервые появившееся в её зависимой жизни.